

«МНЕ ИНТЕРЕСНО С САМИМ СОБОЙ»

Устные рассказы

...Там в дверях люди стоят. Значит, сесть некуда. Ну как я могу помочь... Я могу пообещать, что в следующий раз, если у них этот горячий интерес не пропадет, я что-нибудь сделаю. Я помню, как совсем недавно в Москву приехал пианист Элтон Джон. Был грандиозный его концерт. У входа стояло пять тысяч любителей, судя по лицам, этого вида музыки. Ни у кого не было билетов. А в грандиозном зале сидели люди, которые еле-еле зааплодировали в конце, и то потому, что им достали билеты.

Понимаете, какая штука... Некоторые считают, что это предосудительно, когда на вечере поэта — большое скопление публики. Как-то неудобно... Почему-то скрипачам можно, а поэтам нельзя. А я думаю, что это замечательно. Тут же дело не во мне даже, а в поэзии русской вообще.

Я родился в двадцать четвертом году в Москве, на Арбате. По происхождению я грузин. Мой отец — грузин, мать — армянка. А я, как говорят мои грузинские друзья, грузин московского разлива. Мой отец и моя мама были партийными работниками. Они — выходцы из рабочей семьи, вступили в партию в предреволюционное и революционное время. А в тридцать седьмом году оба пострадали. Мать провела около девятнадцати лет в лагерях. Отец был расстрелян. Потом выяснилось, что ни в чем не виноват.

Учился в школе. Как все. В сорок втором году после девятого класса, семнадцати лет, добровольно ушел на фронт. Воевал, был минометчиком, рядовым, солдатом. В основном — Северокавказский фронт. Ранен под Моздоком из немецкого самолета. А после излечения — тяжелая артиллерия резерва Главного командования...

Вот и все, что мне удалось повидать.

До Берлина я не дошел.

Я был очень смешной солдат. И, наверное, толку от меня было немножко. Но я очень старался делать так, чтобы все были довольны. Я стрелял, когда нужно было стрелять. Хотя честно вам скажу, что не с большой любовью я стрелял, потому что убивать людей — это не очень приятная вещь. Потом — я очень боялся фронта.

Первый день я попал на передовую. И я, и несколько моих товарищей, такие же, как я, семнадцатилетние, очень бодро и счастливо выглядели. И на груди у нас висели автоматы. И мы шли вперед в расположение нашей батареи. И уже представляли каждый в своем воображении, как мы сейчас будем прекрасно воевать и сражаться.

И в тот самый момент, когда наши фантазии достигли кульминации, вдруг разорвалась мина, и мы все упали на землю, потому что полагалось падать. Но мы упали, как полагалось, а мина-то упала от нас на расстоянии полукилометра.

Потом все, кто находился поблизости, шли мимо нас, а мы лежали. Все проходили по своим делам, а мы лежали. Потом мы услышали смех над собой. Подняли головы. Поняли, что пора уже вставать. Встали и тоже пошли.

Это было первое наше боевое крещение. Тогда я первый раз узнал, что я трус. Первый раз. Кстати, должен вам сказать, что до этого я считал себя очень храбрым человеком, и все, кто был со мной, считали себя самыми храбрыми.

А потом шла война. Я многое узнал и увидел... И еще узнал, что все, кто были со мной, они тоже боялись. Одни показывали вид, другие не показывали. Все боялись. Это немножечко утешило.

На фронте было очень страшно. Очень страшно. Я тогда стихов не писал. А стихи я стал писать значительно позже. Но эти воспоминания шли за мной по пятам и идут. И почему-то у меня все время до сих пор появляются военные стихи, военные песни. Война очень глубоко засела во мне. Я под впечатлением до сих пор, хотя прошло полвека.

Героем не стал. На амбразуры не бросался. Остался жив.

Впечатление от фронта было очень сильное, потому что я был мальчишкой. И потом уже, впоследствии, когда я стал писать стихи, первые мои стихи были на военную тему. Много было стихотворений. Из них получились песни. Из некоторых. Это были в основном грустные песни. Ну, потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет.

Окончил Тбилисский университет, филологический факультет, русский сектор, в пятидесятом году. По образованию филолог.

После окончания университета поехал в Калужскую губернию в сельскую школу. Работал учителем русского языка и литературы.

Начал я свою работу в Шамардинской средней школе в Перемышском районе. Бывший женский монастырь — Шамардинский. Куда приезжал Лев Николаевич. И туда приехал я. Благодаря своей наивности. Когда в областном отделе народного образования решался вопрос, куда меня направить, мне сказали:

— Вот поедете в Шамардино.

— Что это такое?

— Ну, это сельская школа.

Я сказал:

— Нет, я не поеду. Я буду в городе.

— Да нет, вы поедете, поедете!

— Нет, не поеду, — сказал я.

— Послушайте! Шамардино — это бывший женский монастырь.

— Ну и что же? — сказал я.

— Там бывал Толстой.

— Ну и что же? — сказал я.

— Ну как же? Там сестра его была монахиней. Мария Николаевна. Он туда приезжал.

Там масса материалов.

— Да?!

— Ну вы же филолог, поезжайте!

— Хорошо! — сказал я и поехал.

Там, конечно, Толстым не пахло. Полуразрушенный монастырь, в соборе которого — школа механизации сельского хозяйства. В полуразрушенных кельях жили учителя. И я там жил. Есть было нечего. Я мучился ужасно.

Прошел год. Ну те жили, у кого было свое хозяйство. У меня никакого хозяйства не было. Мне все время директор говорил: «Ничего, ничего, приживетесь, коровенку заведете...» Но я не смог.

Через год я подал заявление с просьбой перевести меня в какой-нибудь районный центр. Потому что вот я без хозяйства, безлошадный... И когда я приехал в областной отдел народного образования, где меня и соблазнили, я увидел толпу молодых специалистов. Таких же, каким я был год тому назад. Ко мне бросилась одна особа:

— Товарищ! Товарищ! Это вы из Шамардина?

— Да, я.

— Вы не можете рассказать, что это такое?

Я вспомнил себя самого и сказал:
— Ну прежде всего там бывал Толстой.
Она сказала:
— Меня это не интересует! Базар близко?
Потом она там год работала замечательно.

Я преподавал русский язык и литературу и в самой Калуге.

В частности, у меня в школе рабочей молодежи училась в девятом классе одна девочка, которая в общем не очень хорошо училась, но старалась. Но у нее были очень трудные условия в жизни для того, чтобы хорошо учиться. И она мечтала стать актрисой, а я в общем в этом сомневался. Но мне не хотелось ее иллюзий разрушать. Я был учителем.

Потом, через восемь лет, мы встретились в Москве. Она была уже известной киноактрисой. Это Тамара Семина.

Однажды приехал в Калугу, зашел в редакцию газеты. А так как я им много посылал, они уже мою фамилию запомнили. Они говорят: «Да, это вы! Да, ну заходите, заходите! — как старому знакомому. — Есть новенькое что-нибудь?»

— Есть! — говорю я... и дал им те же самые стихи, которые они мне отправляли обратно. И они их опубликовали. Тут я понял, какая польза от знакомства в жизни. И так я начал печататься. Даже получил маленький гонорар. Счастлив был безмерно.

В Калуге у меня вышла первая маленькая книжечка стихов. Так как в Калуге других поэтов не было, я считался самым лучшим... Я писал стихи в газету к праздникам и ко всем временам года. Значит, весна — стихотворение, зима — стихотворение. По известным шаблонам. Но все это печаталось, потому что это было очень спокойно, благополучно. У меня даже появился узкий круг читателей. Ну, продавщицы книжных магазинов. Значит, человек двадцать, так, может быть...

Затем я с этой маленькой книжечкой приехал в Москву и попал в одно литературное объединение, где были моего возраста молодые люди, очень крепко подготовленные, которые уже в то время писали прекрасные стихи, но не опубликовали еще ни одной строчки, потому что это не так просто.

А я разговаривал с ними снисходительно, потому что я — автор книжки. Потом они устроили мое обсуждение. На этом обсуждении начали меня бить. Сначала я подумал, что они от зависти, но очень быстро понял, что я этого заслуживаю.

Я обиделся на себя самого. Года полтора не писал ничего. Мучился очень. Но потом природа взяла свое. Я снова стал писать, но уже иначе совсем. Многое поняв.

Потом я работал в «Литературной газете». Это был пятьдесят шестой — пятьдесят седьмой год. Мне как-то в компании друзей захотелось одно из своих шуточных стихотворений ну не то чтобы спеть, а исполнить под аккомпанемент, что ли. Я взял гитару. Я знал три аккорда. И, пользуясь этими тремя аккордами, придумал какую-то мелодию и тут же и спел.

Им очень понравилось. Мне это было приятно, и я тут же спел второе стихотворение. Прошло месяца два, и у меня появилось так пять-шесть стихотворений, которые я пел.

Потом я начал получать письма из других городов. Ну, например, из города Кирова один рабочий мне писал, что он слушал на ленте мои песни. Они ему очень понравились. Особенно понравились ему десять песен. Он приводит список — и ни одной моей песни. Тогда все мне приписывалось. И «Мурка», и многое другое.

Потом мои песни зазвучали в фильмах, в спектаклях. Потом к ним стали больше привыкать. Я стал ездить по стране выступать. Потом меня послали за рубежи. Я выступал за границей. У меня стали выходить пластинки. Потом я стал писать прозу. И ко мне настолько

привыкли, что даже однажды, в один летний день, когда по традиции десятиклассники выходят ночью на набережные Москвы, чтобы проститься со школой, был такой случай. Телевизионная машина примчалась на набережную, чтобы записать песни вот этих молодых людей.

Подъехали к одной группе — там рок-н-ролл. Подъехали к другой группе — там тоже что-то этого типа. Стали метаться и наконец увидели: около собора Василия Блаженного стоит такая маленькая кучка с гитарой и поет мою песню. Они так обрадовались, услышав свое, что записали и передали в эфир. И так я был узаконен.

А потом наступила нормальная полоса литературной жизни... Теперь у меня уже за плечами пять романов и несколько книг стихов и пластинок. Так что я в своей литературной жизни человек счастливый, потому что я прошел через огонь, воду и медные трубы, но устоял и остался самим собой, насколько позволил это мне характер. И продолжаю работать. Жив и здоров.

Вы меня, как певца, пожалуйста, не воспринимайте. Ни как певца, ни как музыканта. Я хочу вас предупредить: не настраивайтесь на встречу с артистом и певцом. Знаете, Муслим Магомаев лучше меня поет гораздо. И Кобзон тоже гораздо лучше. И вообще все поют лучше меня. Все. Но так уж сложилась моя литературная судьба, что я решил некоторые свои стихи напевать. Я просто напеваю свои стихи. Напеваю. Вот тут присутствует одна очень профессиональная певица и гитаристка. Она очень смеялась надо мной, над тем, как я держу гитару. Оказывается, так не полагается держать. А я так держу.

Популярность вообще смешно ценить. У поэта Доризо есть такие строчки: «Только слава — надежная женщина,/ Но она не жена, а вдова». Задача художника во все века и времена была одна-единственная. Имеющимися в его распоряжении средствами рассказать о себе. Выразить себя. Поделиться своими впечатлениями об окружающем мире. И все. Никаких других задач он ставить перед собой не может. Если он попадает в настроение времени — большое счастье. Если не попадает — ничего с этим сделать нельзя, и никакие критики ничего сделать не смогут. Или он ничто — или он для будущего.

Война в Чечне — совершенно страшное явление, которое будет помниться много-много десятилетий. Если не столетий. Этот маленький народ, в котором нет даже миллиона, допустим, очень-очень самовлюбленный и очень сложный. Но все-таки надо считаться с национальной психологией. Тем более такого маленького народа. А его в прошлом веке в течение пятидесяти лет уничтожали. В этом веке, в сорок четвертом году выслали весь народ на гибель. И сейчас опять уничтожают. Ну что это такое?! Неужели российская власть не может самоутвердиться другим способом?! Неужели для этого нужно убивать своих же сограждан?!

Как я могу научить, как прекратить войну? Я не берусь учить. Чехов сказал: «Умный любит учиться, дурак учить». Я не берусь. Я думаю, что в каждом обществе, как и в каждом человеке, есть защитные механизмы. И когда доходит до предела, они начинают срабатывать.

Я думаю, что постепенно другого выхода не будет, как остановиться.

Просят вот спеть «Черного кота», «про Сталина». Я вам должен сказать, что у меня со Сталиным личные счеты. Он для меня такой злодей, что я ему даже отрицательной песни не посвятил бы. Какой там Сталин?!

Знаете, у меня была замечательная история. Я выступаю в Париже, и меня просят в записке: «Спойте про Сталина». Зал здоровый. Две с половиной тысячи. Я читаю, ничего не понимаю. И говорю: «Что про Сталина? Что про Сталина?» Там с места кто-то кричит: «Черного кота!» Ну я говорю: «Извините, это не про Сталина. Сталин слишком большой бандит, чтобы я о нем еще стихи писал».

И весь зал начинает аплодировать. А тут наше посольство сидит впереди. Они аплодируют, и я понимаю, что намеченная моя поездка в Лондон через месяц, конечно, не состоится. Думаю: «Ну и хрен с ним!» Приехал сюда. Ни звука никто. Через месяц я еду в Лондон и там опять поливаю Сталина...

Это семьдесят восьмой год.

Я ловлю себя часто — я не знаю, порядочен я и в какой степени, — но я часто ловлю себя на том, что мой лирический герой на меня не похож. Может быть, это моя мечта. Бывает и так. Ничего предосудительного я в этом не вижу. Другое дело, когда поэт утверждает в стихах, что нельзя строить свое благополучие за счет благополучия другого, а в жизни живет за счет другого. Это безнравственно и подло. Я даже не представляю себе, как это может быть.

Я думаю, что нравственность обратно пропорциональна скорости движения. Так всегда бывает, к сожалению. Может быть, потому я с таким интересом занимаюсь девятнадцатым веком.

Один раз мне посчастливилось попасть в Соединенные Штаты. Вдруг мне позвонили и сказали, что меня приглашают в американские университеты. Согласен ли я? Ну согласен, конечно. И прошел год, пока меня оформляли. Я забыл об этом. И однажды вечером мне звонят и говорят: «Ну, Булат Шалвович, вы готовы? Завтра утром вылетаете!»

Я говорю: «Собственно, готов. А что готовиться-то?!» Буду среди славистов выступать, петь песни свои, которые там известны, читать стихи. «Ну вы знаете, конечно, что вас приглашают читать лекции о современной русской поэзии?» Я ничего не ответил, потому что я уже почти был в обмороке. Никогда в жизни никаких лекций не читал. Да. А тут — накануне вылета. А лететь хочется.

Я говорю: «Да-да, конечно-конечно!» — повесил трубку, утром сел в самолет и полетел. Лечу вот в том же полуобморочном состоянии, мучительно думая: «Что же делать? Что же делать?» Вот прилетел с опозданием. Меня встретил профессор одного из университетов, посадил в машину... А все-таки там девять часов полета, голова кружится... Я говорю, что мы сейчас поедem в отель... Он говорит: «Нет, вы знаете, поздно. Прямо на лекцию мы поедem!»

И я, как приговоренный, еду. И меня вводят в аудиторию. И там сидят человек восемьдесят славистов. Профессора, студенты, аспиранты... Очень милые люди. Они все мне аплодировали, все они обо мне знали. Было очень приятно.

Но что приятно?.. Вот я сел за столик и от страха я решил покаяться. Я им сказал: «Знаете, вот так произошло. Я никогда в жизни никаких лекций не читал, а тут такая возможность прилететь к вам... Ну что мне, отказываться, что ли?! Ну что будем делать? Если вы хотите...»

А они такие доброжелательные, все смеются...

Я говорю: «Если вы хотите, я буду вам рассказывать свою жизнь». Они все зааплодировали и очень захотели.

И я им стал подробно рассказывать свою жизнь. Как я учился в школе, как я был пионером, что такое пионер, как моих родителей арестовали в тридцать седьмом году и как смели арестовать. И как это все происходило. Как я на войну пошел. Как я воевал. Все их интересовало.

И я прочел им пятнадцать лекций!

Они платили по двадцать долларов за вход. Это не в мой карман, это университету, так полагалось. И их не убывало каждый день. Они приходили. Значит, вот так я прочитал им лекции.

Я думаю, молодежь есть молодежь. В любой век и в любое время это есть будущее нынешнего поколения. Но больше всего мне интересно с самим собой. Я очень уважаю молодое поколение и вообще все поколения. Но мне интересно с самим собой. Больше всего.

Кроме печали, пока выразить ничего не могу в связи с нашей интеллигенцией. Понимаете? Ничего не могу. Потому что вырезана, выдавлена из страны, разогнана, умертвлена, конформирована. Что можно сказать?! Мы вообще должны преобразаться. Мы должны излечиваться вот от этого недуга. И это не так просто. Я как-то недавно говорил в интервью, что у нас неправильно понимают вообще, что такое интеллигенция, и в связи с этим неправильно и неправомерно обвиняют интеллигенцию бог знает в чем.

Ну, например, говорят, что русские интеллигенты убили царя Александра Второго. Они не были интеллигентами, потому что настоящий интеллигент — всегда противник насилия.

Всегда. Об этом не думают. Какие они были интеллигенты?! Они образованцы обыкновенные. Вот и все. Интеллигент — не обязательно человек с дипломом в кармане. Совершенно не обязательно. Бывает с дипломом такой жлоб, что дальше некуда уже. А бывает без всякого диплома интеллигентный человек, самостоятельно мыслящий, уважающий личность и так далее.

На Арбате я жил в доме сорок три рядом с диетическим магазином.

Тогда он был четырехэтажный. Потом его перед войной надстроили. Превратили в шестиэтажный. Я жил в этом доме. Учился я в шестьдесят девятой школе. В Дурновском переулке. Теперь ее не существует. С Арбата меня выселили. Я ушел на фронт, а когда вернулся, квартира была занята. И мне ее не вернули, потому что я числился сыном врагов народа. Значит, я не мог за нее воевать. Ну вот. И с тех пор с Арбатом было покончено.

Что из себя представлял Арбат? Арбат была прелестная улица. Внешне. Для меня это родная улица, я очень люблю эту улицу. Но сейчас я не склонен идеализировать прошлое. Знаете, это была правительственная трасса. По этой трассе ездил Сталин, поэтому все ворота и подъезды были забиты специальными людьми. Ну тогда я этого не понимал как-то. И даже интересно было. А сейчас вспоминать об этом неприятно.

Ну, жили скученно. Подавляющее большинство — в коммунальных квартирах. Не знаю, теперь вот говорят, что в коммунальных квартирах есть своя прелесть. И то, что мы расселились по отдельным квартирам, это привнесло в нашу жизнь какие-то дополнительные сложности. Так говорят.

Не знаю.

Теперь, что касается Нового Арбата, я думаю, что будет замечательная новая улица с прекрасными домами поэзии, книжными магазинами, ресторанчиками «Мастер и Маргарита» для иностранцев. Но Арбата не будет. Арбата не будет, потому что выселяются арбатцы. А они составляют климат района. Вот что самое главное и самое печальное. А заселяется неизвестными людьми, для которых Арбат — только название и больше ничего.

Кому выгодно разрушение исторических памятников Москвы? Выгодно двум категориям людей. Либо невеждам, которые имеют право, либо... как это называется... вылетело слово из головы... В Италии их очень много... Как они... Мафиози.

Есть такие мафиозные группы среди строителей, архитекторов и так далее. Вот, например, с легкой руки Гришина был утвержден проект Нового Арбата. Вот тут сразу подскочили мафиози. Одни — по этим санитарным плиткам, которыми они выложили Арбат. Туалетным плиткам. Другие — по фонарям, которые не имеют никакого отношения к Арбату, но хорошо заработали. Третьи — по клумбам с цветами специалисты. Потом где-то их ругали, поругивали... Ну им-то что? Они получили громадные деньги и сделали свое дело. Теперь готовятся разрушить еще что-нибудь.

Знаете, бездарности всегда объединяются в очень мощные отряды. У них есть время для этого. А талантливые люди — нет. Вот и все. Но Бог будет потом решать, кто есть кто, зачем и почему.

Когда говорят, что у нас борьба идет между консерваторами и демократами, мне немножко это смешно, потому что никаких консерваторов у нас нет. Это замечательное слово. Самые заурядные.

Но у нас нет и демократов пока что. У нас есть люди, желающие быть демократами. Но ведь это не профессия, это состав крови. Это долгими-долгими годами образуется в человеке.

В Мюнхене очень смешной эпизод произошел во время выступления. Уже когда вечер подходил к концу, и я сам уже вошел в азарт, и публика настроилась очень хорошо и благожелательно, вот в самый такой ответственный момент вдруг из амфитеатра кто-то крикнул: «Гоп со смыком»! Требовательно очень.

Я забыл, что я в Мюнхене. Я обиделся. Я сказал, что я пою только свои песни. А если вы хотите петь «Гоп со смыком», значит, идите сюда и пойте сами. И пошел со сцены.

И вдруг я увидел, уходя, как какой-то человечек очень быстро, торопливо, и радостно, и возбужденно бежит к сцене из амфитеатра. Он добежал до сцены. Публика стала гудеть на него. Топать ногами. Он увидел, что нет ни меня, ни гитары, и очень смущенный вернулся обратно. Потом кончилось выступление, и часть публики стала заходить за кулисы поговорить. И я увидел его. Он горько рыдал, как ребенок, хотя он был человек пожилой. И вместо того, чтобы ему извиняться передо мной, пришлось мне просить у него прощения. Его успокаивать. Выяснилось, что он не хотел меня обидеть.

Это был русский эмигрант, которому было интересно меня слушать, и единственное, что он запомнил из русской жизни, — «Гоп со смыком». Для него это было как «браво». Вот он это и выкрикнул. Он мне подарил пластинку Шарля Азнавура, чтобы я не обижался и не помнил обиды. И расписался там. Он — одессит.

...Пишу очередной роман. Пытаюсь писать. Что получится — я не знаю. Хочу надеяться, что все будет хорошо. Я прочитал этот вопрос и вспомнил замечательную историю, которую рассказал Аксенов когда-то. Очень много лет тому назад он поехал как-то во Владивосток, остановился в гостинице. Потом спустился в ресторан поужинать. Но там — дым коромыслом. Он с трудом нашел местечко рядом с каким-то пьяным летчиком, сел.

Тот спрашивает:

— Ну ты откуда?

Он говорит:

— Я из Москвы.

— О! И я из Москвы. Я это, на Малой Грузинской живу, там все писатели живут. Все — друзья мои.

Аксенов молчит, слушает.

— Знаешь, мы вот каждую пятницу в Никольское под балдой едем. На машинах. Ящик водки берем. Девочек. Гитару. Ахмадулина. Окуджава. Ну, приезжаем там, палаточки ставим. Окуджава поет, девочки танцуют.

Аксенов не выдержал и говорит:

— Да что вы врете! Я живу в Москве, дружу с Окуджавой и с Ахмадулиной. Они вовсе там не живут, где вы говорите...

— А ты кто будешь?

— А я московский писатель, Василий Аксенов.

Помолчал, потом говорит:

— Вась! А Вась! А над чем работаешь?

Я в общем-то пишу для себя. Может быть, это и парадоксально, но это так. Я пишу для себя, но тогда, когда материал мой выше меня, мое личное становится интересным для определенного круга слушателей, тогда я считаю, что я достиг какого-то успеха.

А что «перестал петь» — я не знаю, очевидно, надо уметь всегда где-нибудь остановиться. Когда я почувствовал, что я начинаю делать свои вещи на аудиторию, видя ее перед собой, я перестал этим заниматься. Я перестал. Потому что начинается ремесленничество, начинается обыкновенная эстрада, которая противопоказана этому жанру.

А вот по прошествии трех лет меня вдруг снова потянуло — стихийно. И я вот снова написал несколько песен. Новых. Не знаю, хуже они или лучше. Но они нового качества совсем. Может быть, они не так эффектны и не так будут пользоваться успехом, как старые мои песни, некоторые из старых песен. Но они мне очень дороги. Я в них выразил что-то, выставился. А это самое главное — эмоции.

Смысл жизни в том, чтобы жить и делать свое дело. Больше ни в чем.

Делать свое дело. А там уже, потом, время или Господь Бог скажут, кто ты, что ты. Вот так вот. Самому не нужно об этом думать и суетиться не нужно. Я всегда счастлив. Пока живу...

А чего я боюсь в жизни — очень многого. Очень многого. Жить хочется.